

УДК 330.341
ББК 65.010.11

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ «ЭКОНОМИКИ, ОСНОВАННОЙ НА ЗНАНИЯХ»

Д.П. Фролов, Д.А. Шелестова

Уточнена сущность «экономики, основанной на знаниях» в гносеологическом и онтологическом аспектах. Обоснована модель структуры функциональных подсистем «экономики знаний», выявлены элементы институциональной подсистемы и аргументирована логика их взаимосвязи.

Ключевые слова: «экономика знаний», информация, знания, интеллектуализация, институции, институты, трансакционные издержки.

Глубокая трансформация институциональной модели хозяйствования представляет собой объективную тенденцию эволюции экономических систем современности. В ходе глобализации произошел массовый перенос индустриальных производств странами-лидерами в пространство «третьего мира», что закрепило в системе международного разделения труда. В результате ведущие страны получили возможность специализации на обеспечении финансовых трансакций, научных исследованиях и разработках в области высоких технологий, развитии сферы услуг и посредничества. Данные отрасли в комплексе составляют опорный каркас «постиндустриальной», «новой экономики», преимущественно основанной на знаниях.

Проводимая модернизация экономики современной России выдвигает на передний план проблему определения долгосрочной

стратегии социально-экономического развития с учетом глобальных трендов. Закономерно, что во многих регионах страны уже созданы опорные элементы «экономики знаний», поступательно развивается инновационная инфраструктура, повышается согласованность нормативно-правового поля. Тем не менее существуют многочисленные ограничения интенсивного развития «экономики знаний», преимущественно связанные с дефицитом системности научного обоснования ее институционального сопровождения. В этой связи становится необходимым теоретическое исследование формирования системы институтов «экономики знаний» в отечественном хозяйственном пространстве.

«Экономика знаний» — явление настолько же очевидное, насколько неоднозначное. Общепризнанно, что знания, образование, когнитивные технологии и интеллектуальный капитал в современных условиях становятся основой конкурентоспособности экономических систем любого масштаба — от хозяйствующих индивидов до международных интеграционных

образований, от малых предприятий до глобальных корпораций. Вместе с тем дискуссионными остаются многие теоретические и практически значимые вопросы, в том числе

- как соотносятся основополагающие понятия знаний и информации?
- в чем состоит специфика «экономики знаний», информационной и инновационной экономики?
- что первично: «экономика знаний» или «общество знаний»?
- является ли «экономика, основанная на знаниях», продуктом современного этапа экономической эволюции или же она в различной степени характерна для всех обществ во все исторические эпохи?
- какова структура «экономики знаний»?
- какие элементы включает институциональная система «экономики знаний» и как они взаимосвязаны?
- какие институциональные изменения необходимы для формирования в современной России «экономики, основанной на знаниях»?

Логичным представляется начать со спецификации ключевого для данного исследования понятия «знание». Прежде всего, знания – это результат познания, то есть когнитивного освоения объективной действительности, представленной совокупностью эмпирических данных. Восприятие этих данных представляет собой их присвоение с помощью органов чувств, селекцию (отбор необходимых и отсеив ненужных), а затем переработку (осмысление) на основе уже имеющихся знаний и накопленного опыта. Поэтому знания не могут быть оторваны от своих носителей и являются компонентом человеческого фактора.

В свою очередь, информация выступает процессом преодоления неопределенности и формой существования отчужденных знаний: словами М. Кастельса, «информация – это организованные и переданные данные» [35, р. 38]. Информация – особый феномен и фактор общественного бытия [13], поэтому в естественной природе информации как таковой не существует. Знания, которые передаются в процессе коммуникации, выступают информацией, опредмеченной в данных. Принятая, переработанная и усвоенная информация становится знанием, но «сама по себе знанием она не является» [15, с. 21].

Будучи продуктами умственного труда, знания представляют собой объекты отношений интеллектуальной собственности, закрепляемых в «пучках» имущественных правомочий. В системе современного рыночного хозяйства знания выступают специфическим товаром, от конкурентоспособности которого все больше зависит устойчивость экономического статуса отдельных агентов, фирм и их объединений, городов и регионов, стран и их союзов. Создание, обмен и коммерциализация знаний связаны с появлением гетерархических форм координации исследовательской и инновационной деятельности, базирующихся на репутации и доверии. На основе расширенного воспроизводства общественно необходимых знаний происходит изменение способа производства, определяющее переход к новому механизму хозяйствования, ключевую роль в котором играет интеллектуальный капитал.

Развитие хозяйства на современном этапе связано с непрерывным возрастанием роли нематериальных активов, к которым в первую очередь относятся знания. Противоречивое становление нового способа общественного производства затрудняет его теоретическую характеристику. В этой связи получили распространение различные концепции, характеризующие актуальную стадию экономической эволюции как переход в «информационную эпоху», формирование постиндустриальной, виртуальной, «электронной», «новой» экономики и «экономики знаний». При всей своей специфичности эти концепции направлены на определение особенностей возникающего нового способа производства. Приведем показательный пример: «Новая экономика – совокупность отраслей, характеризующихся большим вкладом человеческого капитала по сравнению с материальными элементами... Ее называют еще информационной экономикой, экономикой, основанной на знаниях, – но каждое из этих определений частично» [22, с. 3].

Действительно, теоретические модели современного состояния глобализирующейся хозяйственной системы в основном являются аспектными, акцентируя усилившееся значение отдельных факторов общественного производства (информации, знаний и т. д.). Именно в этом состоит внутренняя противоречивость всех этих концепций. Так, теории

«постиндустриальной» экономики свойственен определенный антиисторизм, игнорирующий значение индустриальных элементов как базиса нового технологического уклада. Концепция «новой экономики» основывается на противопоставлении старого и нового, что не соответствует принципам диалектической теории развития.

Концепция «информационной экономики» отражает изменение хозяйственной реальности в ходе информационно-технологической революции конца XX в., связанной с развитием всемирной сети «Интернет» и обеспечившей резкий прогресс дистанционных форм экономических взаимодействий на основе технологий интерактивной коммуникации, поскольку «экономическое влияние Интернета в последнее время связано с сокращением транзакционных издержек разного рода» [26, с. 525]. Произошло мощнейшее расширение масштабов информационного пространства, которое непрерывно наполняется все новыми и новыми данными. Однако проблема информационной асимметрии не только осталась нерешенной, но и усугубляется. Экономические агенты буквально «тонут» в потоках информации, что повышает значение технологий ее селекции и экстракции, стимулируя возникновение новых категорий работников информационного труда, занятых преимущественно рутинной обработкой данных. Тезис «кто владеет информацией, тот владеет миром» морально устарел. Внимание ученых и практиков объективно сместилось на знания как главный фактор эффективного производства интеллектуальной продукции.

Концепция «экономики знаний» эволюционно смещает акцент на человека, рассматривая его как действующее лицо (актора) общественного производства. В условиях неуклонного стремления доли физического труда к минимуму приоритетное внимание теоретики «экономики знаний» обращают, естественно, на работников умственного труда. Происходит постепенное преодоление технологического детерминизма в экономической теории в связи с пониманием роли человеческого фактора в эффективности использования коммуникационных технологий как средства передачи информации: ведь любые «ЭВМ хороши лишь настолько, насколько хороши их операторы» [2, с. 8]. Содержанием «электронной

экономики» в «цифровую эпоху» все же являются реальные экономические отношения людей и их групп. Общество может стать подлинно информационным только когда люди научатся превращать биты в калории...

Синтез различных подходов к определению «экономики знаний» («economics of knowledge») позволяет рассматривать ее гносеологически в качестве концептуальной модели современной хозяйственной системы инновационного типа, основанной на приоритетной роли человеческого фактора высококвалифицированного умственного труда. Онтологически «экономика, основанная на знаниях» («knowledge-based economy») представляет собой сложный многоуровневый самоорганизующийся комплекс экономических отношений агентов производства, обращения и потребления знаний. Интегральной функцией «экономики знаний» является повышение качества удовлетворения непрерывно возрастающих общественных потребностей за счет создания новых знаний, их апробации, внедрения и диффузии нововведений в факторах, процессах и продуктах хозяйственной деятельности.

Понятия «общество знаний» и «экономика знаний» соотносятся как общее и особенное. Безусловно, правомерен вопрос: «Имеет ли смысл стремление построить общество знания, в то время как история и антропология свидетельствуют, что с самой глубокой древности все общества, вероятно, были – каждое по-своему – обществами знания?» [15, с. 19]. И это действительно так. Не случайно Ф. Бэкон еще в XVII в. обосновал, что «знание и могущество человека совпадают» [5, с. 12]. Но знания как компонент человеческого фактора могли выдвинуться на место главной движущей силы общественного производства только в условиях радикального сокращения роли физического труда и массовой интеллектуализации общественной жизни, что характерно для современной стадии развития хозяйственной системы человечества.

«Экономика знаний» понимается нами как актуально формирующийся продукт эволюции системы общественного разделения труда. Поскольку знания не могут быть оторваны от их носителей, то «экономика, основанная на знаниях», предполагает особую систему социальной стратификации, обеспечи-

вающую высокий статус научных работников, корпоративных исследователей, изобретателей и экспертов, а также других экономических агентов и структур, выступающих во взаимосвязанных ролях изобретателей, новаторов, инвесторов, консультантов, производителей, потребителей, продавцов, посредников, покупателей и регуляторов, действуя на «арене обмена знаниями между общественными группами» [16, с. 212].

Структура «экономики знаний» включает следующие функционально взаимосвязанные подсистемы (см. рис. 1):

- *информационная подсистема*, представленная динамично меняющимся массивом данных (агрегируемых в базах и хранилищах), который выступает совокупностью ресурсов производства знаний;
- *интеллектуальная (когнитивная) подсистема*, которую составляют агенты, технологии, институты и механизмы «отбора, восприятия и интерпретации информации <...>», а также переработки этой информации для экстракции и хранения знаний» [там же, с. 131];
- *инновационная подсистема*, реализующая многоэтапное, многоканальное внедрение новых знаний в сферу производства и создание продукции с новыми свойствами, обеспечивающими удовлетворение новых потребностей;
- *интерактивная (коммуникационная) подсистема*, обеспечивающая взаимодействия (interactions) экономических агентов посредством различных способов обмена информацией. Одним из таких механизмов является рынок, и «мы только начинаем понимать, сколь хитроумна коммуникационная система ... которую мы называем рынком и которая ока-

зывается более эффективным механизмом для переработки рассеянной информации, чем все, что сознательно делает человек» [31, с. 224]. Наряду с рынком существуют альтернативные и комплементарные (дополнительные) механизмы информационных взаимодействий, обеспечивающие движение потоков данных по иерархическим и сетевым каналам с помощью информационно-коммуникационных технологий (ИКТ);

- *институциональная подсистема* представлена интегрированной системой институций, организаций, институтов, статусов, ролей, норм, правил, стандартов, процедур, соглашений (конвенций) и контрактов, обеспечивающих оптимизацию уровня трансакционных издержек совместной деятельности агентов экономики.

В «экономике знаний» интенсивно «происходит не только увеличение численности работников умственного труда, но также интеллектуализация множества видов профессиональной деятельности» [32, с. 98], которая «требует новых форм своей организации. Она обуславливает необходимость появления новых экономических и политических институтов» [3, с. 30], образующих базис институциональной подсистемы «экономики, основанной на знаниях». Поскольку данная подсистема, в свою очередь, обладает системными свойствами, допустимо рассматривать ее как институциональную систему «экономики знаний».

Становится необходимым научное обоснование процесса формирования системы институтов «экономики знаний» в России. Уже появились пионерные работы О.С. Белокрыловой, М.В. Власова, Е.Н. Дедюкиной, Г.Б. Клейнера, В.Л. Макарова, Е.В. Попова, М.М. Скореева и др. [1; 19; 24; 9], в которых рассматриваются сравнительные характери-

Рис. Структура «экономики знаний»

стики институтов и знаний, освещается система экономических институтов производства новых знаний, раскрывается специфика институциональных структур «экономики, основанной на знаниях».

Так, Г.Б. Клейнер проводит тонкую «аналогию между институтами как системами укоренившихся норм поведения и знаниями как системами общественно признанных норм восприятия, структурирования, оценки и интерпретации информации» [16, с. 212]. Закономерно, что в его совместной работе с В.Л. Макаровым обосновывается ключевой тезис: «для создания, распространения и использования знаний как актива в современной экономике, уже в существенной степени базирующейся на знаниях, необходима соответствующая система институтов» [19, с. 117]. Тем самым формируется представление о динамичной системе прямых и обратных связей между знаниями и институтами в современной экономике. Знания – неотъемлемый компонент человеческого капитала наряду с навыками, компетенциями, опытом и т. д. [27, с. 597]. При этом все индивиды как агенты человеческого капитала параллельно выступают и агентами различных институтов. Эффективность институциональных систем зависит от полноты и качества знаний ее агентов.

Необходимо признать, что институциональные аспекты развития «экономики знаний» являются крайне важными для интенсификации и повышения эффективности этого эволюционного процесса. Именно поэтому, на взгляд В.Л. Макарова, «одной из важных предпосылок становления и развития новой экономики является зрелость и устойчивость институциональной среды. Более того, необходимы механизмы, позволяющие постоянно развивать институты, стабилизирующие и регулирующие среду новой экономики. К ним в первую очередь относятся права интеллектуальной собственности, эффективное использование стандартных прав собственности в сфере нематериальных активов, часто существующих только в информационной, цифровой реальности» [20, с. 458].

Вместе с новыми способами передачи информации и технологиями дистанционной коммуникации в современную «информационную эпоху» возникло огромное количество

новых профессий, сложились специфические модели транзакций, резкой трансформации подверглось нормативно-правовое поле хозяйственной деятельности. Ключевую роль в «постиндустриальном» воспроизводстве выполняют «институты знаний», к которым прежде всего относятся фирмы, функционирующие в сфере высоких технологий и наукоемкого производства, а также учреждения науки и образования, разного рода консалтинговые, рейтинговые, маркетинговые и другие агентства. Институты «экономики знаний» призваны обеспечить прочное соединение и устойчивое взаимодействие субъектов хозяйствования по поводу создания, распространения, обмена и использования знаний, их капитализации и коммерциализации в формах востребованных рынком инноваций.

Следует признать методологически значимой трактовку инновационных систем как систем институтов. Такого подхода при анализе Национальной инновационной системы придерживается Л.М. Гохберг, понимая ее как «совокупность различных институтов, которые совместно и каждый в отдельности вносят свой вклад в создание и распространение новых технологий, образуя основу, служащую правительствам для формирования и реализации политики, влияющей на инновационный процесс. Как таковая – система взаимосвязанных институтов, предназначенная для того, чтобы создавать, хранить и передавать знания и навыки, определяющие новые технологии» [8 с. 28]. Тем самым фактически акцентируется эндогенный характер институционального фактора развития «экономики знаний». Вместе с тем необходимо отметить объективную ограниченность представления инновационных систем исключительно как систем институтов. Тем самым за рамки инновационных процессов в экономике неявно выводятся их агенты – применяемые ими материалы и используемая информация, что не способствует повышению системности отражения реальной действительности экономики знаний в научных понятиях и категориях.

Институциональные аспекты инновационной деятельности проявляются в ее слабкой определенности и кумулятивном характере специфических активов и неявных знаний агентов, значительном потенциале оппортуниз-

стического поведения, росте сложности транзакций, углублении специализации и стратификации, высоких издержках измерения многомерных качественных характеристик инноваций и проблематичности фиксации прав авторства на открытия и изобретения, а также связаны с влиянием неформальных ценностей, скрытых интересов и мотивов на процесс коммерциализации нововведений. В широком смысле инновация есть «результат взаимодействия между различными акторами инновационного процесса, чьи действия определены институциональной средой» [6, с. 473], но также внутренне детерминированы их статусами, нормами, правилами, ценностями, стандартами, стереотипами поведения и другими значимыми моментами, изучение которых важно для адекватного понимания институционального содержания экономики, основанной на знаниях.

Поскольку в современных условиях «инновация становится интерактивным процессом, часто вовлекающим пользователей наряду с производителями» [33, р. 98], то знания, предпочтения, интересы, организация, культура и мотивы обеих сторон трансфера инноваций также имеют большое значение для его хода и результатов [34, р. 200]. Важно по достоинству оценить позицию ученых, по мнению которых «инновация – это особый случай транзакции» [29, с. 69], в связи с чем экономисты все чаще обращаются к изучению институционального компонента инновационной деятельности, в том числе возникающих *ex ante* и *ex post* транзакционных издержек [4; 11; 21]. Институциональный анализ инновационных процессов позволяет глубже понять их «внутренние течения», связанные с лоббированием и кооперацией, соглашениями и сговорами, скрытой конкуренцией и стремлением к монополии, противоречием реальных и демонстрируемых интересов, созданием входных барьеров на рынках инновационной продукции и т. д. Это особенно важно в условиях «экономики знаний», которая «побуждает профессиональные и производственные ассоциации дополнить традиционный перечень функций (которые можно назвать институциональными) новыми задачами и функциями, связанными с управлением знаниями» [23, с. 17].

Подобно тому, как информация выступает формой существования отчужденных знаний, нормы являются формами проявления институтов в экономической реальности. Однако новые институты возникают на базе сложившихся норм, как и новые знания создаются на основе существующей информации. Но основой институтов «экономики знаний» выступают институции информационной, интеллектуальной и инновационной деятельности. Поэтому институционализацию «экономики знаний» только в первом приближении можно понимать как «ее упорядочение на основе общепризнанных норм и правил» [17, с. 23].

«Ядром» институциональной системы «экономики, основанной на знаниях» являются, согласно приведенной модели (см. рисунок), когнитивные институции – общественные функции и виды деятельности агентов производства и распространения новых знаний, на основе которых формируются и функционируют специализированные организации. «Экономика знаний» характеризуется конкуренцией и кооперацией между организациями, создающими и распространяющими знания, такими как университеты, НИИ, консалтинговые фирмы, проектные организации, бюро технологического трансфера и др., совместно формирующие инновационно ориентированную культуру хозяйствования. Когнитивные институции выступают фактором инновации, приращения знаний, тогда как институты выполняют функцию рутинизации, укоренения знаний в общественном экономическом сознании на основе их селекции, отбора рыночной хозяйственной практикой. Одной из важнейших институций «экономики знаний», обеспечивающей минимизацию общих транзакционных издержек, является инновационное посредничество [12].

Институты выступают сложным транзакционным фактором, объединяющим позитивные эффекты институции и организации [14]. Чтобы формальные правила (законодательные акты федерального и регионального уровня) эффективно заработали, у них должен быть институционально-экономический базис – система институций и организаций интеллектуальной деятельности, сформировавшихся в процессе общественного разделения труда и его кооперации. Институты «экономики знаний» можно понимать как функци-

онально-структурные модели экономических отношений ее агентов, связанных с производством, распределением, обменом и потреблением знаний. Основная роль институтов «экономики знаний» состоит в минимизации транзакционных издержек и институциональных рисков информационной, интеллектуальной и инновационной деятельности, в том числе в процессе капитализации и коммерциализации их результатов посредством установления интегрированной системы правил, норм, требований и санкций.

Институционализация «экономики, основанной на знаниях» понимается нами как процесс формирования системы институций и организаций, ориентированных на обеспечение минимизации транзакционных издержек создания, селекции, рутинизации, накопления и сохранения знаний посредством взаимосвязанных норм, правил, стандартов, регламентов и режимов.

Основными чертами институционального развития «экономики знаний» в России на современном этапе являются: постепенное повышение статуса науки в системе объектов бюджетного финансирования; экспериментальное внедрение специализированных институтов (технопарков, бизнес-кластеров, инкубаторов и др.) в ходе стратегического по форме и стохастичного по содержанию формирования Национальной инновационной системы; закрепление за Россией в системе международного разделения труда статуса поставщика идей (интеллектуального сырья), а не готовой интеллектуальной продукции; постепенная конвергенция образовательных стандартов и режимов защиты прав интеллектуальной собственности. В практике «выращивания» институтов «экономики знаний» представляется важным учесть принципы конструирования инновационных систем в новых индустриальных странах [7].

Внедрение институциональной модели «экономики знаний» в современной России сдерживается рядом тормозящих факторов, среди которых основными являются: преобладание идеологического подхода к развитию «экономики знаний», ведущее к созданию ее формальных институтов без учета неформальных составляющих и при отсутствии системы экономической мотивации агентов; нали-

чие «пробелов» в нормативно-правовой базе и неразвитость организационно-экономических механизмов обеспечения правоприменительной практики национального и международного законодательства в сфере интеллектуальной деятельности; проявление эффекта эволюционной инерции (path dependence) в форме сохраняющегося остаточного принципа финансирования научных исследований и разработок; слабая координация действий и отсутствие прочных организационных связей между научно-образовательным и предпринимательским сообществами; информационная асимметрия различных категорий субъектов интеллектуальной деятельности и недостаточная сбалансированность их интересов.

Выход российской экономики на траекторию конкурентоспособного, устойчивого и безопасного развития связывается сейчас прежде всего с активизацией инновационных процессов. Фактически происходит даже гипертрофия статуса инноваций, проявившаяся, например, в интервью С. Иванова (2007 г.): «...органы власти могут не только поощрять предприятия за инновации, но и в определенных случаях наказывать за уклонение от них, наказывать финансово» [25]. Тем самым деятельность фирм-консерваторов по сути приравнивается к оппортунизму в отношении национальных интересов. Это явно противоречит базовым принципам эволюционной экономической теории, согласно которым развитие хозяйственных систем «объективно обусловлено сосуществованием в одной и той же экономике эволюционных (читай: инновационных. — Авт.) и консервативных процессов и адекватных действующих лиц» [18, с. 21]. Все хозяйственные субъекты не могут быть новаторами, для устойчивости экономики необходимо не меньшее, а даже большее число консерваторов.

Поэтому, как доказывают Л. Фазй и Р. Рэнделл, «можно вполне обоснованно утверждать: большинство новых участников рынка используют разновидности стратегий конкурентов, а не разрабатывают по-настоящему инновационные предложения» [30, с. 52]. По мнению Дж. Траута и С. Ривкина, в своей основной массе рыночные «инновации не имеют ничего общего с гениальностью» [28, с. 155], представляя собой скопированные и модифицированные чужие идеи и уже реали-

зованные решения. Поэтому, на взгляд С. Зимана, подход к формированию экономической стратегии, делающий особый упор на инновации, «характеризуется уклонением от решения наболевших проблем... и действительные его последствия следовало бы назвать крайне опасными» [10, с. 13] для хозяйственных систем любого масштаба.

Перспективы развития институтов «экономики знаний» связаны с использованием комбинированной стратегии институтогенеза, базирующейся на оптимальном сочетании метода трансплантации недостающих институтов и правил с методом «выращивания» необходимых институциональных структур; стимулированием активности исследовательских сообществ в выработке неформальных норм, ценностей и практик инновационной деятельности; повышении эффективности институциональных механизмов закрепления и распределения прав интеллектуальной собственности; форсированным развитием институциональной инфраструктуры производства и передачи коммерциализируемых знаний на основе создания схем размещения институтов «экономики знаний» на территории регионов и страны в целом; формированием Национальной сети инновационных университетов с функциями производства и трансфера практически ориентированных знаний на основе кооперации академической и вузовской науки; развитием системы социально-экономической мотивации представителей науки и образования как агентов создания и распространения знаний в обществе.

Быстрое развитие институциональной и эволюционной экономики создает широкие возможности применения их аналитического инструментария к изучению проблем становления системы институтов «экономики знаний» в России. Это тем более важно, что научные исследования, посвященные производству знаний и диффузии инноваций, преимущественно игнорируют роль институтов и институциональной среды в возникновении, становлении и развитии инновационных систем и «экономики знаний» в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белокрылова, О. С. Влияние экономических институтов на производство и накопление зна-

ний / О. С. Белокрылова, М. М. Скорев // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2003. – Т. 1, № 2. – С. 76–83.

2. Более чем достаточно? Оптимистический взгляд на будущее энергетики мира / под ред. Р. Кларка. – М.: Энергоатомиздат, 1984. – 216 с.

3. Бузгалин, А. В. Россия в глобальной экономике знаний трансформаций: контексты и альтернативы / А. В. Бузгалин // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – Т. 6, № 1. – С. 27–39.

4. Бухонова, С. М. Методология и теория моделирования выбора инновационного решения по критерию минимизации транзакционных издержек / С. М. Бухонова, Ю. А. Дорошенко, М. В. Сыров, Т. А. Тумина // Экономический анализ: теория и практика. – 2008. – № 15. – С. 9–14.

5. Бэкон, Ф. Новый Органон. Афоризмы об истолковании природы и царства человека / Ф. Бэкон // Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – 575 с.

6. Валиева, О. В. Стратегические и институциональные альтернативы инновационных компаний / О. В. Валиева // Постсоветский институционализм – 2006: Власть и бизнес / под ред. Р. М. Нуреева. – Ростов н/Д: Наука-Пресс, 2006. – С. 473–487.

7. Гончар, К. Инновации и неконкурентная среда. Опыт «институтов развития» в переходных экономиках / К. Гончар, А. Яковлев // Стратегия и конкурентоспособность. – 2006. – № 6. – С. 65–69.

8. Гохберг, Л. М. Национальная инновационная система России в условиях «новой экономики» / Л. М. Гохберг // Вопросы экономики. – 2003. – № 3. – С. 26–44.

9. Дедюкина, Е. Н. Институциональные структуры экономики, основанной на знаниях: дис. ... канд. экон. наук; 08.00.01 / Е. Н. Дедюкина. – Саратов, 2005. – 181 с.

10. Зиман, С. Креветки или успех: бессмысленные инновации или осмысленное обновление / С. Зиман. – М.: Эксмо, 2006. – 352 с.

11. Золотарев, В. С. Влияние институциональных инноваций на качественные характеристики и направления развития российского фондового рынка / В. С. Золотарев, Е. Н. Алифанова // Финансовые исследования. – 2006. – № 12. – С. 3–11.

12. Иншаков, О. В. Институциональные аспекты инновационного посредничества / О. В. Иншаков, В. О. Мосейко // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3, Экономика, экология. – 2005. – Вып. 9. – С. 65–72.

13. Иншаков, О. В. Экономическая генетика и наноэкономика / О. В. Иншаков. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – 94 с.

14. Иншаков, О. В. Экономическая генетика как методологическая и теоретическая основа наноэкономического анализа / О. В. Иншаков // Вестник

Волгоградского государственного университета. Сер. 3, Экономика. Экология. – 2008. – № 1 (12). – С. 5–13.

15. К обществам знания: Всемирный доклад ЮНЕСКО. – Париж : Изд-во ЮНЕСКО, 2005. – Режим доступа: <http://www.unesco.ru/files/docs/ci/World Report-Knowledge society.pdf>.

16. Клейнер, Г. Б. Эволюция институциональных систем / Г. Б. Клейнер. – М. : Наука, 2004. – 240 с.

17. Кондрат, И. Н. Экономическая безопасность производства образовательных услуг и ее институциональное обеспечение / И. Н. Кондрат. – СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – 136 с.

18. Маевский, В. И. Эволюционная теория и институты / В. И. Маевский // Вестник Государственного университета управления. Сер. «Институциональная экономика». – 2001. – № 1(2). – С. 19–23.

19. Макаров, В. Л. Микроэкономика знаний / В. Л. Макаров, Г. Б. Клейнер. – М. : ЗАО «Изд-во «Экономика»», 2007. – 204 с.

20. Макаров, В. Л. Экономика знаний: уроки для России / В. Л. Макаров // Вестник Российской академии наук. – 2003. – Т. 73, № 5. – С. 450–461.

21. Матвеев, К. Ю. Институциональная составляющая инновационно-инвестиционного процесса / К. Ю. Матвеев // Экономические науки. – 2008. – № 6. – С. 54–58.

22. Новая экономика – шанс для России : препринт WP5/2003/01 / Я. И. Кузьминов, А. А. Яковлев, Л. М. Гохберг [и др.]. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 39 с.

23. Плотинский, Ю. Современные тенденции развития процессов кооперации и сотрудничества / Ю. Плотинский // Сообщества практики для инновационных компаний. – СПб. : RusMeco, 2007. – 189 с.

24. Попов, Е. В. Миниекономические институты производства новых знаний / Е. В. Попов, М. В. Власов. – Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2006. – 165 с.

25. Сергей Иванов предложил штрафовать предпринимателей, уклоняющихся от внедрения инноваций. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/finance/19apr2007/ivanov.html>.

26. Спенс, А. М. Передача сигналов в ретроспективе и информационная структура рынков

/ А. М. Спенс // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. Т. V. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов. В 2 кн. Кн. 2 / сопред. науч.-ред. совета Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов ; отв. ред. Г. Г. Фетисов. – М. : Мысль, 2005. – С. 484–534.

27. Сухинин, И. В. Человеческий капитал и общество / И. В. Сухинин // Введение в институциональную экономику : учеб. пособие / под ред. Д. С. Львова. – М. : Экономика, 2005. – С. 529–603.

28. Траут, Дж. Сила простоты: руководство по успешным бизнес-стратегиям / Дж. Траут, С. Ривкин. – СПб. : Питер, 2004. – 224 с.

29. Уэлборн, Р. Деловые партнерства: Как преуспеть в совместном бизнесе / Р. Уэлборн, В. Кастен. – М. : ООО «Вершина», 2004. – 336 с.

30. Фазй, Л. Управление стратегией на уровне рынка / Л. Фазй, Р. Рэнделл // Курс MBA по стратегическому менеджменту. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. – С. 25–63.

31. Хайек, Ф. А. Претензии знания / Ф. А. Хайек // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. Т. V. Всемирное признание: Лекции нобелевских лауреатов. В 2 кн. Кн. 1 / сопред. науч.-ред. совета Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов / отв. ред. Г. Г. Фетисов. – М. : Мысль, 2004. – С. 214–224.

32. Черкашина, Т. Ю. Субъекты экономики знаний: ролевые позиции среднего класса / Т. Ю. Черкашина // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 1. – С. 97–112.

33. Carlsson, B. On the nature, function and composition of technological systems / B. Carlsson, R. Stankiewicz // Journal of Evolutionary Economics. – 1991. – Vol. 1, № 2. – P. 93–118.

34. Carlsson, B. Technology transref in United States universities / B. Carlsson, A. C. Fridh // Journal of Evolutionary Economics. – 2002. – Vol. 12, № 1–2. – P. 199–232.

35. Castells, M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1 : The Rise of the Network Society / M. Castells. – Maiden ; Oxford : Blackwell Publishers, 1996. – 556 p.

INSTITUTIONAL FACTOR OF «KNOWLEDGE-BASED ECONOMY»

D.P. Frolov, D.A. Shelestova

In the article the essence of «knowledge-based economy» in gnoseological and ontological aspects is specified. The structure model of «knowledge-based economy» is substantiated as functional subsystems with a number of interrelated institutional elements.

Key words: «knowledge-based economy», information, knowledge, intellectualization, institutions, institutes, transaction costs.